

ГЛАВА 16

Чудные имена

Мы продолжаем разговор об именах. По высшему Небесному счёту нет, конечно, разницы в том, какое у кого земное имя, ибо все земные звукирастают в Небесной вышине. Но пока что мы живём по земному счёту, и невозможно расслабиться. Хотелось бы всегда смотреть на небо, но нельзя не смотреть и под ноги.

Верность преходящему земному имени становится залогом главной Божией награды – вечного спасения и нового Небесного имени. *Имеющий ухо (слышать) да слышит, что Дух говорит церквам: побеждающему дам вкушать сокровенную манну, и дам ему белый камень и на камне написанное новое имя, которого никто не знает, кроме того, кто получает* (Откр.2:17).

О наречении вечного имени, которое не истребится (в церковно-славянском переводе: *не оскудеет*), читаем и у Пророка Исаии: *Да не говорит сын иноплеменника, присоединившийся к Господу: «Господь совсем отделил меня от Своего народа», и да не говорит евнух: «вот я сухое дерево». Ибо Господь так говорит об евнухах: которые хранят Мои субботы и избирают угодное Мне, и крепко держатся завета Моего, - тем дам Я в доме Моем и в стенах Моих место и имя лучшее, нежели сыновьям и дочерям; дам им вечное имя, которое не истребится* (Ис.56:3-5). Вот, собственно, причина того, почему нас, идущих в далёкую от мира Зосимину пустынь, так глубоко заинтересовал этот сугубо мирской и, если хотите, политический вопрос об именах Русский, Русский, Российский, Советский. Пусть все эти имена, как говорит Пророк, иноплеменны, но каждое из них может получить имя даже лучшее, нежели имена сыновей и дочерей, имя вечное, которое не истребится. При каких условиях? При перечисленных в Ис.56:3-5 условиях выбора угодного Богу и при крепком удержании завета с Ним.

Из Евангелия известно, что Бог присоединяет к Себе не всех, но тех, кому Сын хочет открыть (Мф.11:27). От чего же зависит желание Сына открыть кому-либо Своё знание об Отце? Мы предположили, что одной из причин такого желания является верность иноплеменника своему прежнему званию. В частности, мы предположили, что верность человека тленному венцу сплетает ему венец нетленный. Сын Божий смотрит на сердце: верно ли оно? Перемена имени равносильна измене. Поэтому, чтобы оказаться достойным Небесного имени, нужно крепко держаться земного.

«А как же быть с получением нового имени при монашеском постриге? - спросит читатель. - Разве это не измена прежнему имени?»

Хотите назвать это изменой прежнему имени? Пожалуйста, назовите. Но я бы назвал эту перемену приближением к Богу, или духовным взбиранием по ступеням лестницы, виденной во сне Патриархом Иаковом.

«Ну, а как же верность мирскому имени, которая, по вашим словам, является необходимым условием наречения неоскудеваемого имени? Она оказывается нарушена. Значит, не всякая верность ценна для Бога?»

Не по внешности нужно судить, дорогой читатель, а по сути. Верность это не упрямство, но добродетель. Добродетель же даётся от Бога ищущим её. Веру и верность надо искать, а не слепо упираться в них. Как это понять? Господь сказал: *Если кто приходит ко Мне и не возненавидит отца своего и матери, и жены и детей, и братьев и сестер, а притом и самой жизни своей, тот не может быть Моим учеником* (Лк.14:26). Но в Евангелии есть и другие

слова. *Если же кто о своих и особенно о домашних не печется, тот отрекся от веры и хуже неверного* (1Тим.5:8). Что же делать? Ненавидеть своих домашних или же изо всех сил заботиться о них? Давать дань кесарю или не давать? *Дамы ли, или не дамы* (Мк.12:14)? Помните, что ответил Господь? *Воздадите кесарева кесареви, и Божию Богови*. Всё просто. Но как невыразимо сложно прокладывать свой узкий путь между кесаревым и Божиим в Небесное Царство. И постоянно просить Божией помощи, и верить не себе, но Богу.

Вновь вспомнившаяся нам лестница Патриарха Иакова есть Богооткровенный Образ сего узкого пути, ведущего в вечную жизнь (ср.Мф.7:14). Что такое наши четыре имени в свете этого образа? Это четыре ступени духовной лестницы. И не нужно, надеюсь, ни доказывать, ни объяснять, что в названном порядке – Русский, Русский, Российский, Советский – эти ступени ведут не вверх, но вниз. Поэтому возвращение Российской Церкви именованию Русской, произошедшее в 1943 году от Рождества Христова, есть её духовное возвышение и великая Божия милость, дарованная ей ради страданий и молитв новомучеников и исповедников Российских.

Но лучше сравнить четыре наших имени в виденном Патриархом откровении не со ступенями, а с восходящими и нисходящими по ним ангелами, потому что ступени имён иметь не могут, как имеют их ангелы. И хотя у ангелов совершенно отличные от земных имена, которые непостижимы человеческим умом или, как кратко говорит Священное Писание, чудны, но всё же, удобнее сравнить наши имена именно с ними, чем с безликими лестничными ступенями.

Ангельские имена. Можно ли нам хоть как-то представить их чудность? Если земное имя выделяет его обладателя из числа других, ему подобных существ, то, что такое ангельское имя? *И сказал Маной Ангелу Господню: как тебе имя? чтобы нам прославить тебя, когда исполнится слово твое. Ангел Господень сказал ему: что ты спрашиваешь об имени моем? оно чудно* (Суд.13:17,18). Почему же оно чудно?

«Единство ангельского мира, - пишет В.Н.Лосский, - совершенно отлично от нашего единства. Можно говорить о «роде человеческом», то есть о бесчисленных личностях обладающих одной и той же природой. Но у ангелов, которые тоже существа личностные, нет единства природы. Каждый из них – отдельная природа, отдельный умопостигаемый мир. Следовательно, их единство не органическое и его можно было бы назвать по аналогии – единством абстрактным; это единство города, хора, войска, единство служения, единство хвалы, одним словом – единство гармоническое. Так можно было бы установить удивительное сближение между музыкой и математикой с одной стороны, и ангельскими мирами – с другой».

(**)

(*) Русский перевод: *землю, на которой ты лежишь...* Ох, уж этот русский перевод.

(**) В.Н.Лосский. Догматическое богословие. Первородный грех.

У ангелов нет единства природы. Каждый из них единственен сам по себе, поэтому нет нужды отличать их по именам. Вернее сказать, сама природа ангела есть его имя. Но чтобы хоть в самой малой мере выразить это имя земным языком, надо написать либо поэму, либо симфонию, либо теорему. Причём, перечисленные способы выражения: словесный, музыкальный, математический могут описывать одного и того же ангела, если поэт, музыкант и математик вдохновлялись именно им. Как понять это утверждение?

Если ангелы единственны и неповторимы, то, что их объединяет? Общая мысль? Общая цель? Общее служение? Владимир Николаевич говорит об единстве города (*) как примере ангельского единства, и этот пример поможет нам немного приблизиться к пониманию ангельской природы. Город это – дома, дороги, парки, ограды, реки, мосты, скамьи и пр. Все эти предметы самой разной природы, и трудно поставить в один ряд дорогу и парк, реку и скамью. Действительно, если разные реки можно сравнить по ширине, то как сравнить реку и парк? Что между ними общего? Кажется, ничего нет. И всё же общим для них будет колорит города, в котором они находятся. Иными словами, как бы ни были разноречивы по своей природе городские предметы, все они будут объединены общей целью – быть удобными для горожан. Вот жалкое подобие ангельских миров, соединённых не природой, но гармонией.

Изначальное назначение ангелов – служение. *Твори́й ангелы Своя́ духи, и служи́ Своя́ пламень огненный.* Или по-русски: *Ты творишь ангелами Твоими́ духов, служителями Твоими - огонь пылающий* (Пс.103:4). Ангел, значит, вестник. Быть вестником – в этом призвание и назначение ангела. Потому увидел их Патриарх восходящими и нисходящими по лестнице, которая есть образ служения Богу. *Господь же утверждаешся на ней...* (**). Господь Бог есть Самодержец, ибо Он эту лестницу создал, Он же на ней и утверждается.

При таком положении дел в ангельском мире, человеку невозможно уразуметь имя ангела. Когда мы слышим слово «дом», то понимаем, что речь идёт о чём-то с крышей, окнами, дверями. Но среди ангелов нет ни одного подобного другому. В их мире нет собирательных имён, и нет ни одного общего слова, которое можно было бы приложить к двум ангелам. Если мы назовём нечто имеющегося у одного ангела, допустим, словом «нос», то у другого ангела мы уже не найдём ничего похожего на это. Даже двух ангелов нельзя описать одним языком, и для описания каждого из них потребуется особый язык. Причём, языки эти будут отличаться не как китайский и английский, а как, скажем, язык скворцов и язык электронно-вычислительных машин.

Действительно, имя ангела – чудно, и нельзя назвать ангела по имени, потому что нельзя до конца постичь его природу.

(*) Не всем городам присуще внутренне единство. Видевшие города из небоскрёбов говорят, что в них нет единства, поскольку каждый из небоскребов старается выставить себя напоказ и затмить прочих. Впрочем, это тоже своеобразное единство, когда каждый старается жить за счёт другого.

(**) *Господь стоит на ней...* – русский перевод. Развожу руками и выразительно молчу.

Светися, светися, новый Иерусалиме

Как же найти общий язык с тем, кого даже по имени назвать невозможно? Хочешь к ангелу обратиться и не можешь его назвать. Хочешь поговорить, но даже имя его остаётся для тебя невыразимой тайной. Как же с таким общаться?

А если к этому соображению добавить толкование Святителя Иоанна Златоуста на книгу Бытия 2:19, согласно которому дать кому-либо имя, значит, возметь над ним духовную власть, то возможность общения человека с ангелами становится просто невероятной. Ибо, какой ангел захочет, чтобы кто-то из людей знал бы его имя, знал бы его природу и язык, и распоряжался бы им по своему усмотрению? Но ведь общаются же с ними Святые отцы! А то, что святые

общаются с ангелами, мы знаем из определения, которое дала Церковь своим Преподобным – наставники монахов и собеседники Ангелов.

«Ангелы свет монахам, монахи свет миру», - говорит Преподобный Иоанн Лествичник. Смысл же идущего от Ангелов света – если позволительно приложить к свету слово «смысл» – служение. Именно служение является тем общим языком, который находят между собой ангелы и люди, несущие службу Богу. Разумеется, мы говорим здесь об ангелах, перемещающихся по Патриаршей лестнице. Об иных, называемых по-церковно-славянски аггелами, мы не говорим.

«Смысл света? - удивится читатель. - Странное словосочетание. Ну, и в чём же этот смысл состоит? Разве не в том, чтобы светить? Помните, как у поэта? «Светить всегда, светить везде, светить и никаких гвоздей...»

Оставим поэтов, откроем Писание: *сам сатана принимает вид Ангела света* (2Кор.11:14). И сатане легко принять светлый вид, потому что имя «люцифер» означает светоносный. Но возникает вопрос: свет Люцифера какой природы? Это какой-то особый свет? Или тот же самый, исходящий *от Отца светов* (Иак.1:17) свет, который несут миру Ангелы?

Рассуждаем просто. Если Отцом светов, по слову Апостола, является Бог Отец, то собственного источника света у сатаны быть не может. Выходит, что сатанинский свет это тоже Божий свет? Выходит, что тоже. Чем же свет сатаны отличается от Ангельского? Тем, что скрывает природу сатаны, не проникая в неё. Значит, Ангельский свет отличается от аггельского тем, что Ангелы пропускают Божий свет через себя, тогда как аггелы его отражают.

Воля твари становится причиной того, что свет Божий меняется, не меняясь. Тварь меняет направление света, у которого *нет пременения, или приложения стень* (Иак.1:17), или по-русски: *нет изменения и ни тени перемены*. Тварь меняет свет, конечно, не по существу, но, как мы сказали, по смыслу. Изменяя своё направление, свет перестаёт идти от первоначального и единственного своего источника – Бога. Становится ли он другим? Нет. Божий свет не изменяется, но отражаясь от твари, которая не хочет или не может пропустить его через себя неискажённым, наполняется тем или иным тварным оттенком. И всякий, кто движется на отражённый, а не на прямой Божий свет, идёт уже не к Богу.

Каков же смысл отражённого света? Это безумный, бессловесный свет, «*алогос фос*». Но самое страшное, что при всех этих именованьях, он остаётся Божественным светом. Содропись, читатель, от этого вывода. Богопротивный и смертоносный свет является Божиим светом. Тварь сделала его таким, и в этом трагедия твари.

Итак, живоносный Божий свет не меняется и измениться не может; и *нет иже укрывается теплоты его* (Пс.18:7), или по-русски: *ничто не укрыто от теплоты его*. Но сама тварь наполняет его тем или иным смыслом, отражая свет от себя. Чтобы понять это предложение, возьмём для примера свойства солнечного света. Что такое цвет? Насколько я помню из школьного предмета физики, это та световая волна в солнечном спектре, которая отразилась от предмета. Т.е. все другие волны были поглощены, а эта отразилась, и мы видим предмет в определённом цвете. Нечто подобное можно вообразить и в нашем случае. Отраженный смысл – это такое свойство твари, от которого отразился какая-то из волн, составляющих спектр Божьего света. (*)

Из «Душеполезных поучений» аввы Дорофея возьмём другое сравнение. «Представьте себе круг, начертанный на земле, середина которого называется центром, а прямые линии, идущие от центра к окружности, называются радиусами. /.../ Предположите, что круг сей есть мир, а самый центр круга – Бог; радиусы же, т.е. прямые линии, идущие от окружности к центру, суть пути жизни человеческой». (**) Авва с той целью начертал нам этот круг, чтобы сказать, что

чем ближе люди к центру – Богу, тем они ближе между собой. Нам же сей круг поможет понять то, как отражённый свет уводит от Бога.

Кратчайший путь к центру проходит по радиусу. Вообразим себе, что некая, ближняя к центру тварь, находящаяся на радиусе между Богом и другой, дальней тварью, вместо того, чтобы пропустить через себя Божий свет неискажённым, отразила от себя какую-то его волну. Что получается? Два вреда. Первый вред тот, что находящаяся на этом радиусе дальняя тварь уже не видит Божий свет во всей его чистоте. А второй вред тот, что на отражённый ближней тварью свет начнёт двигаться как на Божий свет другая тварь, находящаяся на другом радиусе. Т.е. вместо того, чтобы двигаться к Богу по прямой, эта тварь, привлечённая отражённым светом ближней твари, отклоняется от своего радиуса в сторону. И хорошо ещё, если отражающая свет тварь находится на меньшей окружности, потому что в этом случае путь к центру дальней твари, хотя и выйдет окольным, но будет совершаться в направлении Бога. А если отражающая свет тварь находится на *большей*, т.е. дальней от центра окружности? В этом случае привлечённая её светом другая тварь пойдёт в обратную от Бога сторону.

Итак, возвращаясь к вопросу Ангельского служения, можно сказать, что задача Ангелов в том и состоит, чтобы пропустить через себя Божий свет как можно более чистым, чтобы не сбить с прямого пути идущих к Богу. В этом же состоит цель монашеского подвига – пропустить через себя неискажённым идущий от Ангелов свет. В этом же состоит жизненное назначение каждого христианина. *Тако да просветится свет ваш пред человеки, яко да видят ваша добрая дела и прославят Отца вашего, Иже на Небесех* (Мф.5:16).

(*) Прошу читательского прощения за то, что говорю о Нетварном свете как о тварном. Но как иначе сказать о том, о чём сказать невозможно?

(**) Авва Дорофей. Душеполезные поучения. Поучение шестое. О том, чтобы не судить ближнего.

В целом же, творческая задача, поставленная от Бога всей твари, носит название Преображения. Ибо тварному существу, чтобы пропустить сквозь себя Божий свет, нужно иметь соответствующее Божьему устройство. Преображаясь же Нетварным светом, тварь делается той, какой ей назначено быть от Бога, а не той, какой ей самой хочется быть. Это и есть труд покаяния и очищения, труд умирания на кресте и исполнения Божиим светом. В общем же можно сказать, что в этом труде и состоит смысл ангельского служения Богу – пропускание Божия света через себя неискажённым.

«Светися, светися, новый Иерусалиме, слава бо Господня на тебе возсия». Этот известный всем православным крестьянам пасхальный запев златоструйного Иоанна Дамаскина есть видоизменённый стих Пророка Исаяи. *Восстань, светись, [Иерусалим], ибо пришел свет твой, и слава Господня возшла над тобою. Ибо вот, тьма покроеет землю, и мрак - народы; а над тобою воссияет Господь, и слава Его явится над тобою* (Ис.60:1,2).

Златоуст так толкует эти стихи. «Какую благодать показывает это повеление? Если свет уже пришёл, то нужно ли, чтобы просвещались все, желают они того или не желают? Не так. Подобно тому как солнечный свет освещает не только вследствие своих лучей, но и в следствие здорового состояния глаз, так необходимо, чтобы находились люди, которые бы получали благодать того света и не удаляли её от себя». Иными словами, Божественный свет не освещает не желающих. Но чтобы видеть его, нужны здоровые душевные глаза. Чтобы человек мог

получать благодать сего света, а не удалять её от себя, нужно правильное внутреннее устройство. Как это понять?

Мы неоднократно повторяли мысль Святых отцов, что добро и зло не являются сами по себе добром и злом. Также и благодать не абсолютна, но является таковой в зависимости от отношения к ней человека. Возьмём, например, здоровье. Что оно такое? Добро или зло? Добро, если служит для праведной и благочестивой жизни. И зло, если через него человек забывает о своих грехах. Также и болезнь, воспринимаемая нами чаще всего как зло, оказывается великим благодеянием, если ведёт к духовному пробуждению и очищению.

Святитель Иоанн Златоуст не только здоровье и болезнь, богатство и нищету, но самые жизнь и смерть называет не добром и не злом, но некими средними предметами, зависящими от того, как человек к ним относится и как ими пользуется. Безусловным добром он называет добродетели, а безусловным злом, которое никогда не может стать добром – пороки. «Таковы нечестие, богохульство, разврат, жестокость, бесчеловечие, чревоугодие и тому подобное». (*) Всякое же внешнее зло, как то бедность, плен, рабство, несчастье и т.д. может оказаться добром и послужить к душевному спасению.

Не понимая этого, нельзя понять, почему Великим постом на так называемых аллилуйных службах священнослужители возглашают: «приложи им зла, Господи, приложи зла славным земли». Что это? Молитва православных о спасении славных земли и о мире всего мира?

«Пророк зная, как оне (т.е. беды, - Г.С.) полезны для некоторых, не из враждебного к ним чувства, но по желанию им спасения, так молится: *приложи им зла, Господи, приложи зла славным земли* (Ис.26:15). (**). И Сам Господь говорит: *се, аз наведу на тя злая* (Иер.11:11), т.е. скорби и разорения, которыми будучи в настоящее время спасительно наказан, вынужден будешь наконец обратиться и поспешить ко Мне, Котораго во дни счастья своего забывал». (***)

(*) Святитель Иоанн Златоуст. Беседа на слова пророка: «Я, Господь Бог, создал свет и тьму, творю мир и произвожу зло» (Ис.45:7). Том 6, с.456.

(**) В русском переводе на месте сего стиха находим иные слова: Ты умножил народ, Господи, умножил народ, - прославил Себя, распространил все пределы земли (Ис.26:15).

(***) Святой Иоанн Кассиан. Борьба со всякого рода скорбями от бед и напастей. 178. Добротолюбие, т.2.

Но возникает вопрос. Отчего зависит, как откликнется внутри нас аукнувшееся снаружи бедствие? Всё зависит от внутреннего устройства человека, или, как говорит Златоуст, от состояния его душевных глаз. Апостол Павел так отвечает на этот вопрос: *вемы же, яко любящим Бога вся поспешествуют во благо* (Рим.8:28). Болезнь и здоровье, нищета и богатство, скорби и благоденствие, короче, *вся* служит к одному только благу тем, кто любит Бога. От любви или нелюбви к Подателю всего – вот от чего зависит, добром или злом станет для нас та или иная ситуация, посылаемая нам от Бога.

Так и Божественный свет. Как бы живоносен он не был, он не может жить сам по себе, автоматически, без соизволения преображаемых. Так же и тьма, о которой мы читаем далее у Пророка: *Ибо вот, тьма покроет землю, и мрак – народы*, не является тьмой как таковой, но возникает из света. Златоуст пишет: «А те явления (тьма и мрак) будут происходить не по необходимости или насилью, но будут добровольными».

Поэтому живущие в Божием свете оказываются сидящими в темноте, если свет им почему-либо не нравится. Они окажутся в темноте и тогда, когда решат, что Божий свет должен быть не таким, каким он льётся свыше, но таким, каким им хочется его видеть. Так вечный Божий свет превращается в вечную тьму для тех, кто не хочет в нём жить. Ибо истинный свет это – свет знания. «И нет ничего драгоценнее того света (т.е. света знания, - Г.С.), который даёт радость и удерживает от печали», - говорит Златоуст, поясняя, что об этом именно свете возвещает Пророк: *Восстань, светись, [Иерусалим], ибо пришел свет твой, и слава Господня возшла над тобою.*

Игемон революции

Но прочитаем далее пророчество великого Исаяи об Иерусалиме. *И придут к тебе с покорностью сыновья угнетавших тебя, и падут к стопам ног твоих все, презиравшие тебя, и назовут тебя городом Господа, Сионом Святого Израилева. Вместо того, что ты был оставлен и ненавидим, так что никто не проходил через тебя, Я соделаю тебя величием навеки, радостью в роды родов. Ты будешь насыщаться молоком народов, и груди царские сосать будешь, и узнаешь, что Я Господь - Спаситель твой и Искупитель твой, Сильный Иаковлев. Вместо меди буду доставлять тебе золото, и вместо железа серебро, и вместо дерева медь, и вместо камней железо; и поставлю правителем твоим мир и надзирателями твоими – правду (Ис.60:14-17).*

В Толковой Библии Лопухина говорится, что «полное и окончательное осуществление этого пророчества об Иерусалиме относится уже к послехристианской эпохе, т.е. к Царству славы, имеющему открыться после Второго пришествия Господа и Его страшного суда». Зато Златоуст, послушайте, как толкует это место. «Отсюда же открывается и то, что Он обещает иудеям не духовные дары, но золото, серебро, медь, железо, омов навαιοфских, кипарисы, лавры. Итак, иудей, обрати внимание и не надейся ни на что иное, кроме благ телесных».

«Хотите буквального прочтения? - как бы так говорит Златоуст. - Вот вам пример буквального прочтения Ветхого Завета». И этим примером научает нас, духовных воинов Христовых, тому, как нужно биться за Христа *десными и шуими* (2Кор.6:7). В правой руке – духовное толкование Писания, в левой – буквальное. *Мы /.../ во всем являем себя, как служители Божии, /.../, в слове истины, в силе Божией, с оружием правды в правой и левой руке* (2Кор.6:4,7).

Но нынешний иудей, святителю отче Иоанне, уже не таков, каков он был при Вас, полторы тысячи лет назад. Нынешний иудей обидится на столь примитивное истолкование его жизненных потребностей и представлений о Мессии. Нынешний иудей хочет уже не телесного, но душевного комфорта. Вернее сказать, он хотел бы так устроиться в своих мудрованиях, чтобы и тело было сыто, и на душе приятно. Нынешний иудей еще недавно созидал свою гегемонию (*) под лозунгом «Пролетарии всех стран, соединяйтесь», хотя честнее было бы издать этот клич от лица тех, кто его придумал: «Книжники всех стран, соединяйтесь», потому что редкий пролетарий долетит до середины тех словесных *глубоких вод* (Пс.68:15), которые пролили в своих сочинениях книжники всех стран, восставая *на Господа и на Христа Его* (Пс.2:2). Нынешний иудей опять строит себе гегемонию, потому что ни он без гегемонии, ни гегемония без него, жить не могут.

(*) Интересно заметить, что слова «гегемония» и «игемон» - происходят от одного греческого корня, означающего «вождь, повелитель, предводитель, глава». «Гегемоном революции» назывался в советское время пролетариат, и игемоном назван приказавший распять Господа Иисуса. *И связавше Его ведоша, и предаша Его Понтийскому Пилату игемону* (Мф.27:2).

«Опять политика», - вздохнёт, наверное, читатель.

Опять она, проклятая, и никуда от неё не деться. Потому что корни всего происшедшего и происходящего с нами лежат гораздо глубже 1917 года. Зри в корень, как сказал некто, а иначе твоя жизнь и твоё покаяние будет походить не на вспашку крестьянского поля, а на буржуйский газон. Трава подросла, мы её постригли, и она стала ещё гуще и глубже расти. Но не трава должна расти на полях наших душ, а угодные Богу злаки. В этом только случае *Господь даст благость, и земля наша даст плод свой* (Пс.84:13).

«Но, батюшка, зачем вам пашни ли, газоны ли в лесу? Ваше дело молиться за себя и за нас, грешных, в своей пустыни, а вы в политику, как в геенну, лезете. Опять про 1917-й год вспомнили. Зачем? А эта пустая мирская литература. Она вам совершенно ни к чему, вы же к ней, как муха к сахару, липнете. Не таких ли, как вы, укоряет Апостол: *Лучше бы им не познать пути правды, нежели, познав, возвратиться назад от преданной им святой заповеди* (2Пет.2:20)? Зачем познавшим пути правды и ступившим на дорогу в Зосимину пустынь возвращаться к литературе и политике?»

Признаюсь, читатель, я и сам иногда думаю, зачем мне нужно это писательство? По голове меня за него не поглядят и пряника не дадут, зато побить могут запросто. Зачем же я собираю на свою голову приключения? За державу обидно. Конечно, не за российскую и не за советскую, хотя обе они мне дороги, но за единственную мою родную державу – русскую церковь. Почему она так легко отдала своё законное, Богом данное ей право учительства литературе? Почему позволила этой глупой выскочке, набравшейся знаний из пустых иностранных книжек, учить народ? Почему читавшиеся столетиями на Руси святыя книги были променяны на сочинения баснотворцев? Почему церковь, когда литературная зараза стала шириться, не сказала громко и прямо, что писатели это и есть те самые льстивые учителя, о которых предупреждал Апостол: *Ибо будет время, когда здравого учения принимать не будут, но по своим прихотям будут избирать себе учителей, которые льстили бы слуху; и от истины отвратят слух и обратятся к басням* (2Тим.4:3-4)? Почему российские церковные иерархи (не будем называть имён), увлекшись этими баснями, составляли целые исследования о творчестве, например, Достоевского? Почему новопрославленный сербский святой именуется баснописца Достоевского уже не пророком, но, страшно выговорить, апостолом? Что это за прелесть, что за слепота? В какую яму она ведёт? Вернее, уже привела. Надо выкарабкиваться из неё изо всех сил, но ведь нам предлагают копать эту яму, этот котлован ещё глубже и шире.

Почему Российская церковь пошла за Российской державой? Почему она не повела за собой государство и народ? И горько видеть, что государство вновь хочет вести церковь, а церковь вновь готова быть ведомой. Кто же вождь? Куда мы, наконец, идём? К Богу или на заклятие очередной гегемонии? Той окончательной гегемонии, о которой Господь предрёк: *Но придет час, да всяк, иже убиет вы, возмнется службу приносити Богу* (Ин.16:2)?

«Да, хоть бы и на заклятие, - столь же откровенно скажет читатель. - В конце концов, наше христианское дело быть заклятыми. *Не так ли надлежало пострадать Христу и войти в славу*

Свою? (Лук.24:26). Значит, и нам, батюшка, прежде чем войти в славу Христову, подобает пострадать».

Дорогой читатель, чтобы войти в славу Божию надо пострадать за Христа, а не за кого-либо другого. И чтобы воскреснуть со Христом, надо умереть со Христом, а не мимо Него. Сравнение же двух наших историй показывает, что недостаточно нательного крестика и обязательного раз в году говенья, чтобы быть христианином. Российская жизнь при всём её благочестии и внешнем исповедании Сына Божия не была оправдана Богом, потому что из-за неё Бог попустил разрушить храмы. Тогда как советская богоборческая жизнь оказалась оправдана Богом, потому что в её результате Он благословил восстановить разрушенное Православие. Спрашивается, не прошло ли Российское государство, исповедуя Христа, мимо Христа? (*) А Советское, борясь со Христом, не устремилось ли к Нему?

Помните удивительную притчу о мытаре и фарисее? Удивительную потому, что в ней грешник оказался угоднее Богу, нежели праведник. Перечитывая её, думаешь, уж не была ли российская история приточным фарисеем, молившимся: *Боже, хвалу Тебе воздаю, яко не смь, якоже прочии человецы*, а советская – мытарём, который *не смел даже поднять глаз на небо*, но который *пошел оправданным в дом свой более, нежели тот* (Лк.18:14)?

Сравниваем далее. Советские воины без сомнения заслужили вечный покой в доме Божии, ибо отдали свои жизни за то, чтобы их потомки могли молиться в Православных храмах. И замечательно, что они во время 2-ой мировой войны не повернули своего оружия против безбожной власти, хотя причин для этого у них было гораздо больше, чем у российских воинов, направивших свои винтовки против христоролюбивого царя во время 1-ой мировой. Что же скажем? Не без основания Бог не попустил советским воинам сделать то, что попустил российским – совершить клятвопреступление. И этим основанием не является ли всё то же предположение: российская история дала промах?

«К чему вы клоните? И почему вы опять к чему-то клоните? Почему не занимаетесь своими священническими обязанностями – службой и молитвой? Почему, начав с державы церковной, закончили земными делами? Уж не хотите ли вы под видом духовного просвещения какую-то свою политическую линию провести? И вместо Зосиминой в какую-то свою, подобную Пензенской пещере, пустынь привести?»

Политическую линию? Дорогой читатель, неужели вы всё ещё думаете, что я хочу вас чему-то земному научить? Неужели думаете, что духовная жизнь зависит от государственного устройства? Неужели приведённое выше сравнение российской и советской жизни не убеждает вас, что неизвестно, где охотнее живёт правда Божия: в богоборческой стране или в православной империи? Или ждёте, что моя скрытая политическая линия откроется призывом идти на выборы православного царя? Но неужели, если бы я хотел призвать вас к этому, то стал бы худо говорить о российской симфонии государственной и церковной властей и обелять их советскую какофонию?

Один у нас Царь, читатель. Ему мы молимся: Царю Небесный, Утешителю... *Господь Бог ваш – царь ваш* (1Цар.12:12). И одно Царство, которое открывается литургийным возгласом: *Благословенно Царство... Царство Твое царство всех веков, и владычество Твое во всяком роде и роде* (Пс.144:13). И один престол: *Господь на Небеси уготова престол Свой, и Царство Его всеми обладает* (Пс.102:19). Делами же прочих царств-государств (**), как и вообще земными делами мы должны заниматься постольку, поскольку приходится ими заниматься, т.е. по необходимости. Вот я, например, пишу только для того, чтобы скоротать время до прихода Царя. А вы думаете, что я пишу в целях гегемонии?

(*) Греческое слово «амарта^ано», означающее «согрешаю», переводится также, как «ошибаюсь, промахиваюсь, не попадаю». Причём, в словаре Вейсмана последние значения стоят первыми, что говорит о том, что в греческом языке слово «грех» вышло из слова «промах».

(**) «В некотором царстве, в некотором государстве...» В этом сказочном зачине нет «масла масляного». Первое выражение «в некотором царстве» говорит о времени действия, и может быть по-русски передано словами: «в некоторое царствование», т.е. в правление некоторого царя, т.к. время измерялось временами правления. А второе выражение «в некотором государстве» указывает на место действия сказки, столь же далёкое и таинственное, как и самое время.

Яко паучина поучахуся

Покайтесь, приблизися бо Царство Небесное (Мф.3:2 и Мф.4:17). Вот то главное знание, и та, если хотите, гегемония, которой я желал бы вас научить, читатель. Потому что покаяние и смиренномудрие – условия приближения Царства Божия на земле. Усилилось покаяние, значит, ожило Царство Божие в душах земнородных. Ослабло покаяние, значит, Царство удалилось. Или вы думаете, что хороших показателей в покаянии можно достичь хорошим государственным строем? Симфонией властей? Есть симфония, значит, есть покаяние. Нет симфонии – нет покаяния. Смешно.

Святитель Иоанн Златоуст пишет: «Сколько браней воздвигалось на Церковь! /.../ Всё объяла какая-то междоусобная война, или даже такая, которая свирепее всякой междоусобной брани, ибо сражались не только граждане с гражданами, но и родные с родными, свои со своими, друзья с друзьями. Однако же ничто не разрушило Церкви, не обессилило её; и, что особенно дивно и необычайно, всё это происходило в первое время существования Церкви. Если бы эти бедствия постигли её тогда, когда проповедь была уже насаждена и укоренена во всей вселенной, не так было бы дивно то, что Церковь не разрушилась. Но если столько браней возгоралось в самом начале христианского учения, когда семя веры только что было брошено, и умы слушателей были ещё очень слабы, а между тем наши дела не только не потерпели никакого ущерба, но ещё более усилились, – это уже выше всякого чуда. Чтобы ты не говорил, будто теперь Церковь стоит твёрдо по причине мира с царями, Бог попустил ей терпеть гонение тогда, когда она была меньше и казалась слабее, дабы ты убедился из этого, что и нынешняя твердость её зависит не от мира с царями, но от силы Божией». (*)

(*) Святитель Иоанн Златоуст. Против иудеев. Слово пятое. Том 1, с.798.

Назначение государства в народной жизни можно сравнить с назначением плоти в человеке. Как плоть служит духу (должна, всяком случае, служить), так государство призвано обеспечить жизнедеятельность народного духа. Но выслушаем Апостола, что он говорит об их взаимоотношениях: *Плоть бо похотствует на духа, дух же на плоть: сия же друг другу противитася, да не яже хотите, сия творите* (Гал.5:17). Или по-русски: *Ибо плоть желает противного духу, а дух - противного плоти: они друг другу противятся, так что вы не то делаете, что хотели бы.* «Итак что же? Должно убивать плоть? Но сам сказавший это разве не

был облечён плотью? Такие внушения дело не плоти, а диавола, так как *он человекоубийца бе искони* (Ин.8:44). О чём же в таком случае говорит (апостол)?» (т.10, с.833).

С этими словами Златоуста мы вновь вступаем в разговор, ведшийся в 3-ей главе этих записок в подзаголовке «Плотский и плотяный». Послушаем же, что говорит нам Святитель Иоанн по этому вопросу. «Плотью он (апостол) называет здесь помысл земной, легкомысленный и нерадивый, а в последнем виновато не тело, но беспечная душа. Ведь тело есть только орудие, от орудия же никто не отвращается, ни ненавидит, а отвращаются только от того, кто употребляет это орудие во зло. Мы ненавидим и наказываем не меч, а человекоубийцу. Но, скажет кто-нибудь, называть грехи души именем плоти и значит обвинять тело. Я же признаю, что хотя плоть и ниже души, но и она прекрасна. В самом деле, то, что ниже хорошего, и само хорошо, тогда как худое не ниже хорошего, но совершенно противоположно ему. Если ты действительно можешь указать зло, происходящее от тела, то обвиняй плоть; но если ты на основании одного только названия хочешь порицать плоть, то смотри, чтобы тебе не пришлось обвинять и душу, потому что и лишённый истины человек называется душевным человеком (см.1Кор.2:14), и полчища демонов называются духами злобы (см.Еф.4:12). С другой стороны, именем плоти Писание называет обыкновенно и таинства, равно и всю Церковь, называя её телом Христовым (см.Кол.1:18). Если же ты хочешь, чтобы я указал тебе благодеяния, получаемые нами через тело, то представь, что все чувства у него уничтожены, и ты увидишь тогда душу лишённой всякого познания, и не имеющей никакого понятия о том, что она знает теперь. В самом деле, если сила Божия от создания мира видима через рассматривание творений (см.Рим.1:20), то как мы могли бы познать её без глаз? Если также и *вера от слуха* (Рим.10:17), то как услышим о ней без ушей? А проповедовать и обходить землю можно только посредством языка и ног. Как в самом деле проповедовать, *если не будут посланы* (Рим.10:15)? Да и письмо возможно благодаря рукам. Видишь ли, какое множество благ приносит нам служение, совершаемое плотью? Если же апостол говорит: *плоть бо похотствует на духа*, то говорит о двух противоположных видах помыслов, - о добродетели и пороке, так как именно они противятся друг другу, а не душа и тело. Если бы последние находились во взаимной вражде, то они истребили бы друг друга, также как вода истребляет огонь, как тьма – свет; если же душа заботится о теле и проявляет по отношению к нему великое попечение, весьма многое претерпевает, чтобы только не расстаться с ним, и сопротивляется, когда её хотят разлучить с ним, если, в свою очередь, и тело служит ей, много доставляет ей познаний и само приспособлено к её деятельности, - то как они могут быть противными и враждебными друг другу? И действительно, из самих действий их я вижу, что они не только противны, но и весьма между собой согласны и взаимно друг друга поддерживают. Таким образом, не о теле и душе говорит (апостол) в словах – противятся друг другу, а указывает на борьбу злых и добрых помыслов. Желать и не желать – есть, конечно, дело души. Поэтому он и говорит: они противятся, чтобы ты не дозволял душе предаваться злым её пожеланиям» (т.10, с.833-834).

Давайте в вышеприведённой цитате поставим рядом со словом «плоть» слово «государство», и увидим, что не о симфонии, но о подчинении тела душе, а душе – духу нужно говорить, если мы не хотим их взаимной вражды. «Добродетель тела заключается именно в повиновении его душе, потому что само по себе тело ни хорошо, ни худо. Но может ли тело сделать что-либо само собою? По связи (доводов), тело если хорошо, то хорошо только в отношении к подчинению (душе); а само по себе оно ни хорошо, ни худо, способно и к тому и к другому, может склониться на ту, и на другую сторону. Тело желает, но не блуда или

прелюбодеяния, а совокупления; тело желает, но не сластолюбия и обжорства, а пищи, не пьянства, а пития. Что пьянство не составляет пожелания тела, смотри: оно лишнего не удерживает (т.е. извергает назад), когда ты престапаешь меру и переходишь за границу тела. Подлинно, всё остальное (кроме необходимых потребностей тела) принадлежит душе; особенно когда она делается плотскою, и так сказать, одебелевает. /.../ Но можно, если захотим, и не быть в теле, как можно не быть и на земле, а пребывать на небе и в духе» (т.11, с.49-50).

Итак, заметим, что говоря о плоти, мы говорим о плотских помышлениях, а не о плотских делах. В чём же разница? *Дела плоти известны; они суть: прелюбодеяние, блуд, нечистота, непотребство, идолослужение, волшебство, вражда, ссоры, зависть, гнев, распри, разногласия, [соблазны,] ереси, ненависть, убийства, пьянство, бесчинство и тому подобное. Предваряю вас, как и прежде предварял, что поступающие так Царствия Божия не наследуют* (Гал.5:19-21). Не совершать многие из перечисленных Апостолом дел плоти учит не только церковь, но и государство, уголовно и административно преследуя нарушителей, так как эти дела препятствуют не только Небесной, но и земной жизни. Здесь плоть и дух согласны друг с другом, хотя плоть, как всегда, противится, и духу приходится убеждать её в очевидном, в том, что названные дела губительны для неё.

Но в отличие от плотских дел вред плотских помышлений не очевиден. Более того, он прельстителен, т.е. прикрывается видом пользы. Плотские помышления известны только тем, у которых чувства навывок приучены к различению добра и зла (Евр.5:13). Духовно необученный не видит плотских помышлений. Что же это за помышления? Апостол Павел так говорит о них: *Помышления плотские суть смерть* (Рим.8:6).

«Странно, - скажет читатель, - почему неизвестны плотские помышления, когда самый инстинкт самосохранения должен предупреждать о них? Почему они невидимы? Как можно не видеть смерти?»

Точно так, как не увидела её святая Ева, протянув руку к запретному плоду. Думала ли она о смерти? Видела ли её? Конечно, нет. Она думала быть «как боги», но её мысли оказались смертоносными, а дело, происшедшее из этих мыслей, обернулось смертью.

Апостол Павел не перечисляет помышлений плоти, но говорит общо: *Помышления плотские [мудрование бо плотское – в церковнославянском переводе] суть смерть, а помышления духовные - жизнь и мир, потому что плотские помышления суть вражда против Бога; ибо закону Божию не покоряются, да и не могут* (Рим.8:6-8).

Мы говорили, что дела плоти известны, а плотские помышления неизвестны. Вот ещё одно их отличие: дела плоти могут покориться Богу, а плотские помышления – не могут. Действительно, перечисленные в Гал.5:19-21 и подобные им пороки, лучше, конечно, сказать, носители этих пороков, могут покаяться, а плотские помышления не могут. Сам Господь убеждает нас в этом: *Истинно говорю вам, что мытари и блудницы вперед вас идут в Царство Божие, ибо пришел к вам Иоанн путем праведности, и вы не поверили ему, а мытари и блудницы поверили ему; вы же, и видев это, не раскаялись после, чтобы поверить ему* (Мф.21:31,32).

Почему же плотские помышления не могут покориться Богу? Потому что их питает гордость. Именно гордость является корнем плотских помышлений и одновременно стержнем, на котором строится мирская жизнь, в том числе государство. Или вы хотите мне возразить? Хотите сказать, что это не так? Хотите убедить меня в том, что не всё, что в мире: *похоть плоти, похоть очей и гордость житейская* (1Ин.2:16)? Тогда скажите, что государства строятся по чувству глубокого смирения их строителей. Скажите, что Российская империя строилась не

для мирского величия, но для славы Божией. Скажите, что на гербе этой империи – две главы, выросшие из одного орлиного тела, обращены в противоположные стороны и означают две власти, духовную и мирскую: первая глава смотрит на Христово смирение, вторая на земное величие. Но вы не сможете меня в этом убедить, потому что обе главы смотрели в одну сторону – государственную, и орёл споткнулся. Вы не сможете меня в этом убедить, потому что, если бы Российская империя строилась для Бога, то стояла бы она вечно. Ибо верен сказавший: *И мир проходит, и похоть его, а исполняющий волю Божию пребывает вовек* (1Ин.2:17). Если бы Российская империя строилась для славы Божией, то не имела бы она столь страшного конца. *Ибо всякое дерево, не приносящее плода доброго, срубают и бросают в огонь. Итак по плодам их узнаете их* (Мф.7:19,20). И на другие «если» можно было бы указать, если бы всё тот же вопрос не заставлял нас оглянуться? Какой же это вопрос? Для чего идущие «В Зосимину пустынь» вынуждены останавливаться и разбирать эти темы, словно завалы? Для чего мы сравниваем рускую, русскую, российскую, советскую жизни, если гражданство наше, как говорит Апостол, *на Небесах* (Фил.3:20)?

Некоторые причины, питающие наш интерес к злобе дня, мы указали выше. Первая это – верность своему земному званию, т.е. верность супруге/у и родине, как условие богоугождения. Вторая – за державу обидно. Назовём теперь и следующую причину, по которой нам приходится говорить о земном. Эта причина та, что через земное легче обратиться к Небесному. (*) Все притчи Господа о Небесном Царстве взяты Им из земной жизни. Да и как иначе? Как иначе, если не через доступные земные примеры, смогли бы понять Христа Его слушатели? А, не понявши, как бы научились?

Два стиха из Псалтири со словом «поучахся» вспоминаются. *Помянух дни древния: поучихся во всех делех Твоих, в творениих руку Твоею поучахся* (Пс.142:5). *Лета наша яко паучина поучахуся* (Пс.89:10). В дониконовской Псалтыри последний стих читается иначе: «лета наша яко паучина паучахуся», т.е. сплетаются, как паутина в каком-то углу. В новом переводе вместо «паучахуся» поставлено слово «поучахуся» - от слова «учиться». Что получилось? Паутина учится? Кажется, вышла бессмыслица. Но давайте посмотрим, точно ли бессмыслица вышла в новом переводе?

Можно по-разному понимать слово «емелетон», стоящее в греческом тексте на месте слова «по(а)учахуся». «Мелетао» переводится как «забочусь, стараюсь о чем-либо, упражняюсь». В чём же упражняются наши годы? О чём заботятся? О том, чтобы их слои были плотны, как многолетняя паутина? Или о том, чтобы из многих лет сложился симметричный узор? Или о том, чтобы не отступить им от воли сплетающего их Бога?

Предположим первое. Наши годы заботятся о том, чтобы сплестись им где-то в глухом углу. И тогда паутина наших лет предстанет нам в виде свидригайловской вечности. «Нам вот все представляется вечность как идея, которую понять нельзя, что-то огромное, огромное! Да почему же непременно огромное? И вдруг, вместо всего этого, представьте себе, будет там одна комнатка, эдак вроде деревенской бани, закоптелая, а по всем углам пауки, и вот и вся вечность. Мне, знаете, в этом роде иногда мерещится». (**)

Чтобы не мерещилась нам такая вечность, мы должны слово «емелетон», т.е. «упражняхуся» понять не как упражнение в плетение паутины слой на слой, но как упражнение в плетении её узора. Тогда паутина наших лет предстанет совсем иной. Висеть она будет уже не в закоптелой бане, но на ветке, красиво сотканным узором, среди хвои или листвы, унизанной каплями росы и играющей искрами на солнце.

Какой же вариант прочтения слова «емелетон» правильный? Это мы сами должны выбрать. Узор нашей жизни, словно паутина, выткан Богом. Но какой мы увидим в этом узоре смысл – это зависит от нас и от нашего поучения. Не на это ли поучение указывает в 89-м Псалме слово «емелетон»? Итак, рассуждая о земном, мы научаемся думать о Небесном. Учиться правде Божией можно и нужно из правды земной. Хотя и написал наш великий поэт: «все говорят: нет правды на земле, но правды нет – и выше» (***)), но мы ему не поверим. (****) Не поверим, во-1-х, потому, что для того, чтобы сказать, что правды нет и выше, надо там, «выше» побывать. А, во-2-х, именно потому, что есть правда на Небе, возможно постижение её на земле.

(*) Или же, наоборот, отвратиться от него.

(**) Ф.М.Достоевский. Преступление и наказание. Часть 4,1.

(***) А.С.Пушкин. Моцарт и Сальери. Сцена 1.

(****) «Сказано некорректно, - заметили автору читатели, - потому что поэт вложил эти слова в уста Сальери». Каков был ответ автора? Я говорю некорректно? Нет, это поэт Пушкин говорит гораздо некорректнее: не только сказал глупость, но и приписал её другому. Как же быть? Как разобраться с этой путаницей под названием литература? Предлагаю поэту Пушкину ответить за одну из содеянных им ошибок, именно за пустые слова. А за вторую он ответит лично Сальери, когда увидится с ним лицом к лицу в пакибытии.

Постигание Небесной правды через земные примеры есть наша молочная пища, как сказал Апостол. *И я не мог говорить с вами, братья, как с духовными, но как с плотскими, как с младенцами во Христе. Я питал вас молоком, а не твердою пищею, ибо вы были еще не в силах, да и теперь не в силах, потому что вы еще плотские. Ибо если между вами зависть, споры и разногласия, то не плотские ли вы? и не по человеческому ли обычаю поступаете?* (1Кор.3:1-3).

Наш разговор о земном есть словесное молоко, или душевный разговор о душевном, но странным выходит наш роман. Что мы делаем? Священное Писание примеряем на земную жизнь и сопоставляем несопоставимое: временное и вечное. Но благочестиво ли такое делание? Не похоже ли оно на то, как если бы некто, не зная, как ему поступить, открыл бы Евангелие и по первому попавшемуся на его глаза стиху заключил бы то, что хотел заключить? Вот и мы, судим по-земному о земном, а думаем, что судим духовно, потому, дескать, что держим перед собой Евангелие. Может, мы за истины принимаем свои плотские измышления?

Действительно, почему мы решили, что мы судим духовно? Как это проверить? Апостол говорит, что проверка на духовность зависит не от говорящих, но от слышащих. Говорящий ничего не может доказать, каких бы словесных доказательств не приводил. *Ибо душевный человек не принимает того, что от Духа Божия, потому что он почитает это безумием; и не может разуметь, потому что о сем надобно судить духовно* (1Кор.2:14). Как же нам быть? Читаем далее проверочные слова Апостола. *Но духовный судит о всем, а о нем судить никто не может. Ибо кто познал ум Господень, чтобы мог судить его? А мы имеем ум Христов* (1Кор.2:15,16).

Может показаться, что Апостол сказал это исключительно о себе самом, но Златоуст относит слова Апостола ко всем верующим, собравшимся в Антиохийском храме, отличая их от внешних, т.е. язычников: «Мы знаем и своё и всё то, что относится к неверным, а они нашего не знают. Мы знаем, каково свойство предметов настоящих и каково достоинство будущих, что будет с миром впоследствии, какое понесут наказание грешники и чем будут наслаждаться

праведники; мы знаем, что блага настоящие не имеют никакого достоинства, и обличаем их ничтожность /.../. Мы знаем то, что в уме Христовом, чего Он хочет и что Он открыл нам. Так как Апостол выше сказал, что Дух открыл нам, то, чтобы кто не отверг Сына, присовокупляет, что и Христос открыл, выражая не то, что мы знаем всё, что знает Христос, но что всё наше знание не есть человеческое, и потому подверженное сомнению, но есть знание ума Христова и духовное» (т.10, с.69-70).

Здесь, собственно, всё сказано. Но поскольку у нас нет доказательств, подобных делам Апостола Павла и Святителя Иоанна Златоуста, чтобы повторить их слова: *а мы имеем ум Христов*, то вопрос о странности этих записок остаётся открытым.

Мифы Древней России

Поскольку нормальность автора остаётся под вопросом, постольку он может говорить уже совершенно безумные речи. Какие именно? Например, назвать увлечение художественной литературы языческим нечестием и приравнять поклонение литературным героям к поклонению языческим богам, точно так, как в первых главах романа он называл телезрителя идолопоклонником.

В Житии святого мученика Феодота Анкирского (†7/20.06.303) можно прочитать слова, которые он сказал своему мучителю: «Богов твоих деяния стыдно есть и глаголати, обаче реку на постыждение ваше. Той, егоже вы нарицаете Дия, и веруете его быти бога паче всех богов большаго, на скверное вожделение женское и детское толико простресея, яко ему всего зла началом и концем быти. Орфей бо стихотворец ваш повествует, яко Дий Сатурна истаго отца своего уби, и истую мать свою Рею име в жену, от неяже роди дочь Персефону, но и с тою любодействоваше. Паки име в жену сестру свою Юону, якоже и Аполлин сестру свою Диану оскверни на требище во острове Делос. Подобно же и Марс вознеистовствова похотию блудною на Венеру, и Вулкан на Минерву, родная братия родныя сестры. Видиши ли игемоне, коликое есть богов твоих скверное беззаконие? Еда ли не казнит ныне закон таковая творящих? Вы же о таковых блудодейных ваших богах хвалитесь, ни стыдитесь поклоняющесея отцеубийцам, кровосмесителем, прелюбодеем, детосквернителем, волхвом, сия бо стихотворцы ваши о богах ваших написаша, яко похваляюще дела их мерзостная».

После этих слов мученика Феодота поневоле задумаешься, где же был разум у игемона и у всех тех, кто воздавал божественные почести Дию, Венере, Марсу и прочим уголовникам? Где разум у телезрителей, склоняющих свои выи под выливаемые на них с телеэкрана мерзости, подобные названным выше? Но об их разуме мы поговорим после, а пока что сопоставим языческих богов с героями наших литературных произведений.

- Гм. А правда ли, что вы - злобно ухмыльнулся он, - правда ли, что вы принадлежали в Петербурге к скотскому сладострастному секретному обществу? Правда ли, что маркиз де-Сад мог бы у вас поучиться? Правда ли, что вы заманивали и развращали детей? Говорите, не смейте лгать, - вскричал он, совсем выходя из себя, - Николай Ставрогин не может лгать пред Шатовым, бившим его по лицу! Говорите всё, и если правда, я вас тотчас же, сейчас же убью, тут же на месте!

- Я эти слова говорил, но детей не я обижал, - произнес Ставрогин, но только после слишком долгого молчания. Он побледнел, и глаза его вспыхнули. (*)

(*) Ф.М.Достоевский. Бесы. Часть 2, глава 1, VII.

Зачем мы привели эту цитату из «Бесов» вслед за словами мученика Феодота? Неужели затем, чтобы сравнить Ставрогина с Дием, а Достоевского с Орфеем? Да, с этой целью мы и поставили их рядом, чтобы увидеть сходство. Но от дальнейшего подробного сравнения мы воздержимся, чтобы не окарикатурить нашу мысль. Хотя через 200-300 лет эти цитаты и сравнивать не надо будет, потому что будущий человек, если таковой будет, без подсказки увидит пока невидимое тождество мифов Древней Греции и литературы Древней России.

«Не мифов и литературы тождество, - возразит читатель, - а тождество бездны человеческого греха во все времена, которую русская литература никогда не воспевала, ну, кроме каких-нибудь декадентов, которых к русской литературе относить невозможно. Неужели вы не видите подмены, которые совершает ваша логика в угоду вашей настойчивой мысли, вернее, вожделенному желанию произвести самую суровую расправу?»

Прекрасноголосая литература уводила в сторону от церкви, и уже этим способствовала греху. Вот и праматери Еве диавол не сказал: сорви, съешь, нарушь, но начал с вопроса: *подлинно ли сказал Бог: не ешьте ни от какого дерева в раю?* (Быт.3:1,2). Подлинно ли, что нигде более кроме стен церковных нельзя научиться заповедям Божиим? Ну, почему же нигде кроме церкви? Можно и вне церкви. Правда ли, что литература не может обучать закону Божию? Ну, почему же не может? Может. Тогда пусть обучает. Вот она и обучила...

А ведь так и будет. Когда глубина великих художественных образов утратится, и память о литературных героях сократится до размеров, указанных средствами массовой информации, тогда сходство древнегреческих мифов и российской художественной литературы откроется со всей очевидностью. Но не будем торопить время. Просто спросим нашего читателя: скажите, вы не согласны, что Достоевский и Орфей поют об одном и том же? Конечно, вам трудно согласиться, потому что, если судить по внешности, то поют они о разном, ну, а, если по сути? Скажите, чем по сути сочиненный Ставрогин отличается от сочиненного Дия, т.е. Зевса? Ничем. Оба они: и языческий бог, и литературный герой – увлекательно описанные злодеи. Ставрогин даже более обольстителен. Вернее сказать, для язычников он назывался Зевсом и был привлекателен по-язычески: силой, мужественностью, красотой и т.д., а для христиан стал привлекателен по-христиански, и имя себе подобрал приличествующее, поскольку «ставро**с**», значит по-гречески «крест».

Ставрогин – самый таинственный и самый притягательный персонаж «Бесов», о чём можно судить по количеству женских лиц, окружающих и обожающих его. Среди них мать, готовая ехать с ним куда угодно, и обольщённые им – сестра Шатова, жена Шатова, Лиза, а также множество других жён. Но, может, потому он и притягателен, что покрыт мраком? А что там, во мраке? *Бываемая бо отай от них срамно есть и глаголати. Вся же обличаемая от света являютя: все бо являемое свет есть* (Еф.5:12,13). Потому и держит Достоевский в тайне своего героя, чтобы удержать при себе читательский интерес.

«Какой же, по-вашему, негодяй этот Достоевский, сознательный проповедник зла! - воскликнет читатель. - А не боитесь клеветы на человека?»

Сознательный или безсознательный – не знаю. Но то, что проповедником зла является писатель (а не человек, ещё раз подчёркиваю это положение) Достоевский – это точно. Свет это не интересно. Свет это Евангелие. Интересно только то, что пребывает в запретном мраке. Умело играть с читателем на его греховном влечении к запретному – таково главное занятие литературы.

Как, читатель? Заглянем в ставрогинский мрак? Но зачем нам это? Неужели затем, чтобы отщипнуть себе от лаврового венка, венчающего главу Ф.М.Достоевского, некий листок для

собственного супа, сваренного за счёт вашего интереса? Но достоин ли священнику заниматься подобными делами? Так поступили бы жрецы скверного Дия, но для служителей Христовых такой поступок будет ненужным позором. *И мамы же олтарь, от него же не имут власти ясти служащи сени* (Евр.13:10), и незачем нам, имеющим истинный жертвенник, касаться языческих жертвоприношений. Скажем лишь то, что, как нам кажется, главный бес романа «Бесы» это – Ставрогин.

«Константинополь - рано ли, поздно ли, должен быть наш...»

Всякий раз, говоря о литературе, мы оказываемся в странном положении. Литературных персонажей как таковых нет, зато есть их слова, которые мы читаем. Нам хочется поговорить о некоторых изречениях Ставрогина, но его не существует. Как же нам быть? О ком мы будем говорить, беря для своих выводов слова этого героя романа «Бесы»? Об авторе романа? Но он может сказать, что данные слова принадлежат не ему, а Ставрогину. И мы окажемся даже уже не в странном положении, но в коллективном умопомешательстве: слова есть, а тех, кто их сказал, нет. Что же делать?

Мы должны либо включиться в придуманную писателем игру и говорить, что слова Ставрогина это слова Ставрогина и ничьи больше, либо слова всех персонажей приписать одному только автору. Последнее, как нам кажется, будет единственным выходом из тупикового лабиринта, в который нас заводит художественная литература. Почему? Потому что ответ за все написанное придётся держать не персонажам, но авторам, произведшим на свет своих героев и произнесшим за них якобы их слова. Какой ответ? *Говорю же вам, что за всякое праздное слово, какое скажут люди, дадут они ответ в день суда: ибо от слов своих оправдаешься, и от слов своих осудишься* (Мф.12:36,37). Итак, помня о том, что мы все будем призваны к ответу за свои слова, попытаемся в некоторых словах Ф.М.Достоевского разобраться. Например, в этих.

- Если бы веровали? - вскричал Шатов, не обратив ни малейшего внимания на просьбу. - Но не вы ли говорили мне, что если бы математически доказали вам, что истина вне Христа, то вы бы согласились лучше остаться со Христом, нежели с истиной? Говорили вы это? Говорили? (*)

Кто это говорил? Ставрогин? Шатов? Достоевский? Кто за эти слова будет отвечать? Ни Ставрогин и ни Шатов, которых нет, но Достоевский. Значит, Достоевскому они и принадлежат. Перечитаем их со вниманием.

(*) Ф.М.Достоевский. Бесы. Часть 2, глава 1, VII.

Выражение «истина вне Христа», конечно, бессмысленно. *Аз есмь путь и истина и живот* (Ин.14:6), и эти Евангельские слова означают, что, потому только существует истина, что существует Христос. Более того, потому только есть жизнь у людей, и им открыт путь к Богу Отцу, что у Него есть Сын. Истина вне Христа решительно невозможна. Но согласимся на мгновение с этим невозможным постулатом, приписав его Ставрогину или лучше, Шатову, сказав, что он неправильно передал ставрогинские слова. Подыграем Достоевскому в его литературной игре. Согласимся с этим постулатом, чтобы вывод из него, а именно, эти восхитительные слова о том, что лучше остаться со Христом, нежели с истиной, отдать Достоевскому. «...если бы математически доказали вам, что истина вне Христа, то вы бы согласились лучше остаться со Христом, нежели с истиной»?

Тогда один книжник, подойдя, сказал Ему: Учитель! я пойду за Тобою, куда бы Ты ни пошел. И говорит ему Иисус: лисицы имеют норы и птицы небесные - гнезда, а Сын Человеческий не имеет, где приклонить голову (Мф.8:19,20). Почему Господь отказал этому человеку за Собой следовать? Тогда как другому не позволил даже того, чтобы тот пошёл и похоронил родного отца, сказав ему: иди за Мной. Потому что первый думал приобрести в следовании за Христом что-то земное. Может, даже не домов и не земель он искал, может, он искал то, чего все мы так усердно ищем – душевного успокоения у ног Христовых, но и в этом случае он искал не Божьего, а своего. Потому и ответил ему Господь, что Сын Человеческий *не имеет где главы подклонити*. Но почему мы вдруг вспомнили это Евангельское зачало? Потому что, если со Христом Достоевский, может быть, и остался, то, как знать, оставил бы его с Собою Христос?

«А вот это уже дело Самого Христа, - скажет читатель. - Не только решать за Него, но и вопрос такой задавать есть не добродетель, не заповедь, не любовь, а донос на Достоевского Богу!»

Донос? Что ж, можно сказать и так. Доношу до Бога и до читателей, что писатель Достоевский неблагочестиво толкует слово Божие. *Если же согрешишь против тебя брат твой, пойди и обличи его между тобою и им одним; если послушает тебя, то приобрел ты брата твоего; если же не послушает, возьми с собою еще одного или двух, дабы устами двух или трех свидетелей подтвердилось всякое слово; если же не послушает их, скажи церкви; а если и церковь не послушает, то да будет он тебе, как язычник и мытарь* (Мф.18:15-17). Но, может, и вправду я не в своё дело лезу? Хотя с какой стороны не взгляни, выходит, что дело это как раз моё. Как же быть? Как разобраться с этой, будь она неладна, литературой? Заменить в последних словах фамилию Достоевского фамилией Ставрогина и сказать, что именно Ставрогина не оставил бы с Собой Спаситель? Но Ставрогина нет. (*) Зачем мне говорить о том, кого нет? Зачем переливать из пустого в порожнее? Зачем празднословить вслед за писателем Достоевским?

«Это именно вы по поводу литературы празднословите, а не Достоевский, - скажет мне читатель. - И делаете это со страстью, усиливаясь доказать свою правоту, потому что без давления аргументов недостаточно. И зачем вам это, когда вы могли бы о патриархе Иакове интересные главы писать?»

Да, да, зачем? Эту часть пути «В Зосимину пустынь» иду я и терзаюсь: зачем мне разбираться с телевизором и литературой? Зачем мне какие-то сочинители? Зачем мне думать: русский я или ещё какой? Зачем мне выяснять, какое место занимают супружеские отношения в духовной жизни? Зачем мне всё это, когда милостью Божией мне ясно главное: Камень это Христос. Но затем и пишу об этих земных вещах, что без понимания их мы до Зосиминой пустыни не дойдём. Собьемся с пути и заблудимся. Поэтому попробуем обойти писателя Достоевского с другой стороны.

Известно, что у него помимо художественных есть произведения, в которых он не под масками выдуманных персонажей, но непосредственно от своего лица обращается к читателю. Таков, например, «Дневник писателя». Все ли слова «Дневника писателя» принадлежат Достоевскому? Да, за исключением цитат. Значит, написанное в дневнике утверждение: «Константинополь - рано ли, поздно ли, должен быть наш» есть собственное утверждение Достоевского.

«Да, Золотой Рог и Константинополь - всё это будет наше, но не для захвата и не для насилия, отвечу я. И, во-первых, это случится само собой, именно потому, что время пришло, а если не пришло еще и теперь, то

действительно время близко, все к тому признаки. Это выход естественный, это, так сказать, слово самой природы. Если не случилось этого раньше, то именно потому, что не созрело еще время...» и т.д. и т.п. (**)

Заметьте, читатель, что, если в 1711 г. на балу у князя Меншикова стоял щит со звездой и с надписью: «Господи, покажи нам пути твоя», т. е. Господи, покажи нам дорогу в Турцию, как толкует эту надпись Пушкин, то у Достоевского нет даже такого, формально-учтливового обращения ко Господу. Лишь в конце статьи пустая фраза: «кто знает пути Божии»?

Судя по тому, как уверенно говорит Достоевским читателям, что «время пришло», что «это выход естественный», что «слово самой природы» в том, чтобы Константинополь стал наш, – это для него бесспорная истина. (***) А где же Христос? Нет, не тот выдуманный Достоевским «Христос», который сотни раз встречается в его произведениях, но Христос, Сын Божий. Неужели Ему, не имеющему, *где приклонить голову*, необходим Константинополь?

(*) «Ставрогин это – словесный портрет похожих на него людей», - ответили автору. Автор согласен. Но вопрос о том, кому принадлежат и кто будет отвечать за сказанные этим портретом слова, данным ответом не снимается.

(**) Дневник писателя. 1876 г., июнь. Глава 2. Утопическое понимание истории.

(***) «Пророчество о Константинополе принадлежит, если не ошибаюсь, Нилу Мироточивому, - сказал читатель, - а также многим древним афонским и нашим старцам. Давайте их покритикуем. А заодно и преподобного Серафима Саровского, у него тоже разные пророчества были». Что отвечать читателю? Вы уверены, что слова о Константинополе были сказаны Старцами именно так, как они до нас дошли? Может, Старцы сказали одно, их поняли по-другому, а передали по-третьему? Как это, кстати говоря, чаще всего и бывает.

Действительно, Господь говорит, что у Него нет места на земле, а Достоевский утверждает, что Константинополь должен быть наш, чтобы произошло «настоящее воздвижение Христовой истины». Какой «Христовой истины»? Евангелие – вот Христова истина! А то, что провозглашает писатель Достоевский, это уже истина какого-то другого Христа.

Не только Христу, но и Апостолу Иакову не находится места среди «истин» Достоевского. *Теперь послушайте вы, говорящие: «сегодня или завтра отправимся в такой-то город, и проживем там один год, и будем торговать и получать прибыль». Вы, которые не знаете, что случится завтра: ибо что такое жизнь ваша? пар, являющийся на малое время, а потом исчезающий. Вместо того, чтобы вам говорить: «если угодно будет Господу и живы будем, то сделаем то или другое», - вы, по своей надменности, тщеславитесь: всякое такое тщеславие есть зло (Иак.4:13-16).*

«А разве вы сами не то же делаете, когда изрекаете о своей деятельности некие высокие самопризнания, вовсе не оговариваясь при этом «если они, конечно, есть, и будут угодны Господу»? - заметили автору читатели.

Дорогой читатель, такие оговорки можно ставить в тексте через каждый абзац, но что толку, если их нет в душе. А есть они или нет их в душе – зачем я вам об этом буду говорить? Ведь вы всё равно мне не поверите. И правильно сделаете, как и мы правильно не верим Достоевскому, несмотря на его красивые слова о Христе и истине.

Итак, в истине Достоевского о Константинополе нет ни только Апостольского смиренномудрия, в ней нет даже благоразумных оговорок вроде того, что, если сможем, то

сделаем то или другое. Зато в ней есть гордое: «всё это будет наше». Так с кем, спрашивается, хотел бы остаться Достоевский: со Христом или с истиной? Судя по всему, с истиной...

«Но, может, истина в том и состоит, чтобы Христос приклонил Свою голову в Константинополе?»

По-вашему, читатель, слова о том, что Константинополь должен быть наш, это истина? Что ж, о том, как такие «истины» приходят в наши бедные головы, поговорим в следующей главе.